

Красильникова Е. И. Отражение истории Якутии в журнале «Сибирские огни» в 1920—1980-е годы / Е. И. Красильникова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 366—385. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-366-385.

Krasilnikova, E. I. (2023). Reflection of Yakutia History in Siberian Lights Journal in 1920—1980s. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 366-385. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-366-385. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-366-385

Отражение истории Якутии в журнале «Сибирские огни» в 1920—1980-е годы

Красильникова Екатерина Ивановна

orcid.org/0000-0003-0014-0655

доктор исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
группа истории освоения Сибири
katrina97@yandex.ru

Новосибирский государственный
технический университет
(Новосибирск, Россия)

Reflection of Yakutia History in Siberian Lights Journal in 1920—1980s

Ekaterina I. Krasilnikova

orcid.org/0000-0003-0014-0655

Doctor of History, Associate Professor,
Leading Researcher,
Siberian Exploration History Group
katrina97@yandex.ru

Novosibirsk State
Technical University
(Novosibirsk, Russia)

© Красильникова Е. И., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Прослеживается динамика репрезентаций исторического прошлого Якутии в публикациях ежемесячного литературно-художественного и общественно-политического журнала «Сибирские огни». Этот вопрос рассматривается в контексте процессов конструирования советской политики памяти на протяжении всего периода существования СССР. Актуальность исследования обусловлена повышенным вниманием к специфике исторического знания, представленного в публичном пространстве, к его структурам, интерпретациям и использованию в политико-идеологических целях в прошлом и настоящем. Новизна исследования видится в том, что до сих пор история журнальных репрезентаций прошлого Якутии в контексте государственной политики не становилась предметом самостоятельного научного исследования. Исследование позволило выявить контексты, определявшие специфику создания журнальных репрезентаций истории Якутии. Автором установлено и охарактеризовано пять этапов этого репрезентирования. Показано, как менялись смыслы и приемы политики памяти, стоявшие за подходами к описанию и к характеристикам прошлого Якутии. Доказывается, что различия между подходами к репрезентациям определялись тенденциями усиления и ослабления политико-идеологического контроля государства в сфере политики памяти и национального строительства.

Ключевые слова:

политика памяти; репрезентация; историческая память; традиционная культура; идеология; Якутия; якуты; Сибирские огни.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article traces the dynamics of representations of the historical past of Yakutia in the publications of the monthly literary, artistic and socio-political magazine "Siberian Lights". This issue is considered in the context of the processes of constructing the Soviet policy of memory throughout the entire period of the existence of the USSR. The relevance of the study is due to the increased attention to the specifics of historical knowledge presented in the public space, to its structures, interpretations and use for political and ideological purposes in the past and present. The novelty of the study is seen in the fact that until now the history of journal representations of the past of Yakutia in the context of state policy has not become the subject of independent scientific research. The study made it possible to identify the contexts that determined the specifics of creating journal representations of the history of Yakutia. The author established and characterized five stages of this representation. It is shown how the meanings and techniques of the politics of memory that were behind the approaches to the description and characteristics of the past of Yakutia changed. It is proved that the differences between approaches to representations were determined by the tendencies of strengthening and weakening the political and ideological control of the state in the field of memory politics and nation building.

Key words:

memory policy; representation; historical memory; traditional culture; ideology; Yakutia; Yakuts; Siberian lights.

Отражение истории Якутии в журнале «Сибирские огни» в 1920—1980-е годы

© Красильникова Е. И., 2023

1. Введение = Introduction

Весной 2022 года отметил свое столетие журнал «Сибирские огни», неизменно позиционирующий себя в качестве «литературной летописи Сибири». Это издание всегда проявляло устойчивый интерес к истории коренных народов необъятного региона, принимая активное участие в конструировании коллективной памяти об их прошлом, во многом сохраняющей свои общие контуры и сегодня. В советское время журнал выступал от лица государства, участвуя в написании и популяризации стандартных национальных историй, объединявшихся общими смыслами государственной политики памяти. Национально-историческая тематика регулярно звучала в поэзии, прозе, публицистике и литературной критике. Однако процесс конструирования национальных историй протекал неравномерно применительно к прошлому разных коренных народов Сибири. Использование шаблонных рамок при изложении исторической фактологии осложнялось многими обстоятельствами, начиная с отдаленности той или иной национальной республики от Новосибирска, где базировалась редакция журнала, и заканчивая социально-политической обстановкой внутри республики.

Изучение репрезентаций истории и традиционной культуры коренных народов Сибири, представленных на страницах «Сибирских огней», отвечает одному из важнейших трендов современной гуманитарной науки, обращенной к изучению вопросов формирования исторической памяти как ценного ресурса политико-идеологической деятельности. В советское время «Сибирские огни» активно участвовали в формировании исторической памяти жителей нашего региона и страны в целом о прошлом отдельных сибирских территорий и населявших их народов, создавая довольно устойчивые образы, отношение к которым можно рассматривать как маркер определённых политических позиций, влияние которых распространяется и на современную социально-политическую действительность.

Заявленная тема ранее специально не изучалась. Однако историографическая почва для этого представляется подготовленной. Общие вопросы участия журнальной прессы в идеологизации представлений россиян о Сибири исследовались М. Бассином [Бассин, 2005] и Н. Н. Родигиной [Родигина, 2006]. Репрезентации сибирской «инородческой» проблематики в доре-

волюционной журнальной печати изучались А. Ю. Ледовских [Ледовских, 2009]. Е. И. Красильниковой и И. А. Вальдманом разрабатывались проблемы идеологизации памяти россиян о прошлом Ойротии (Горного Алтая) и Тувы в советское время посредством репрезентаций в журнале «Сибирские огни» [Красильникова, 2020; Красильникова и др., 2020]. Однако репрезентации истории Якутии на страницах данного издания ранее специально не изучались. Рассматривались лишь отдельные аспекты истории этого края в освещении дореволюционной периодики. Обращение к таким исследованиям дает возможность более глубокого понимания контекстов, влиявших на отношение авторов советского времени к якутскому прошлому и прошлому коренных народов Сибири вообще [Матюшенко и др., 2021; Кискидосова, 2019]. Мы учитываем также филологический опыт исследования этапов формирования специфичного «северного текста» (от мифологического до рационального советского и современного индустриального), представленного рядом нарративов, возникновение которых связано с памятью об освоении (открытии, покорении) Якутии [Бурцева, 2019, с. 16].

Исследование репрезентаций прошлого Якутии в «Сибирских огнях» предполагает и обращение к работам, посвящённым истории ее национальной литературы [Дарбасова и др., 2021; Киндикова, 2014; Канаев, 1984; Литература Якутии XX века, 2005; Сивцева-Максимова и др., 2001], наследию отдельных авторов, чьи произведения печатались в этом журнале [Башарина и др., 2019; Сивцева-Максимова, 2015], а также к историографии, раскрывающей общие исторические контексты литературного процесса в Якутии советского времени [Гоголев, 2001; История Якутии ..., 2021] и контексты советской политики памяти [Копосов, 2011; Миллер, 2009].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель статьи состоит в характеристике репрезентаций истории Якутии на страницах «Сибирских огней» в период с 1920-х до конца 1980-х годов в контексте государственной политики памяти. В задачи исследования входит выявление контекстов, определявших специфику создания журнальных репрезентаций истории Якутии, а также этапов этого репрезентирования, в рамках которых происходили изменения смыслов политики памяти и ее приемов.

Формирование и идеологизация исторической памяти исследуются нами с ориентиром на концептуальное поле «Memory Studies», в рамках которого сегодня активно разрабатываются проблемы политики памяти [Segesten et al., 2017; Verovšek, 2016]. Также применяются историко-генетический, историко-сравнительный методы и метод нарративного анализа.

Основными источниками данного исследования послужили публикации журнала «Сибирские огни» за 1920-е — 1980-е годы, тематически

связанные с историческим прошлым Якутии (публицистические и художественные произведения — проза и поэзия). Этот литературно-художественный и общественно-политический журнал ежемесячно выходил на регулярной основе с 1922 года в Новосибирске. Его авторами становились люди, чья профессиональная деятельность и частная жизнь были связаны с Сибирью, со всеми ее регионами и территориями, которым редакция стремилась уделять равное внимание. В качестве источников данного исследования мы отобрали двадцать пять публикаций, авторами которых являлись как русские (преимущественно публицисты, литературные критики, историки, поэты-переводчики), так и якутские авторы (писатели, поэты, литературные критики). Произведения последних были представлены преимущественно в переводе с родного языка на русский. Отдельные якутские авторы самостоятельно писали на русском.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Контексты истории и политики памяти

В 1920-х годах авторы «Сибирских огней» часто обращались к образу жизни коренных народов нашего региона, прежде всего алтайцев, живопису существовавшие, скажем, в Ойротии «пережитки прошлого» и переменные «успехи» их искоренения [Красильникова, 2020, с. 374—376]. Якутия же долго оставалась вне зоны внимания этого издания. Дело было далеко не только в ее отдаленности и труднодоступности. Вплоть до конца 1920-х годов на этой территории шла напряженная политическая борьба, которую советские СМИ предпочитали замалчивать.

Уже в начале XX века на волне Первой русской революции в Якутии сформировалось национально-демократическое движение [История Якутии ..., 2021, с. 64], боровшееся за гражданские и экономические права и свободы, введение самоуправления, решение земельного вопроса, развитие просвещения и образования, а также за отмену политической ссылки в крае. О подъеме национального самосознания свидетельствовало и появление литературы на национальном языке, выражавшей социально-политическую мысль якутской интеллигенции. Дореволюционная Якутия была местом политической ссылки, во многом определившей идейное развитие края, которое шло неоднозначно, с различными вариациями. Не удивительно, что Октябрьская революция не была принята местными якутскими властями, эсерами и федералистами, боровшимися за расширение самоуправления. Установление советской власти в декабре 1919 года привело к серии «разоблачений националистических заговоров» против большевиков и к репрессиям против «буржуазной» интеллигенции и прочих слоев населения, не согласных с новой властью. В 1921—1922 годах

Якутию охватили повстанческие движения. Тогда же, в феврале 1922 года, в атмосфере споров и противоречий была образована Якутская АССР в составе РСФСР. Лишь в 1923 году в республике остановилось кровопролитие после разгрома войск генерала А. Н. Пепеляева, вступившего в борьбу с большевиками под лозунгом «Через автономную Якутию — к автономной Сибири» [История Якутии ..., 2021, с. 130]. Но, в 1927 году политическая обстановка в Якутии снова накалилась вследствие требования «партии конфедералистов» о получении Якутией статуса союзной республики и последовавшего за этим вооруженного выступления конфедералистов. В 1928 году их движение было сломлено, руководство Якутии смещено, а население всколыхнула новая, мощная волна репрессий. В это же время началось идеологическое осуждение взглядов и наследия основоположников якутской литературы (А. Е. Кулаковского, А. И. Софронова, П. А. Ойунского, В. В. Никифорова, П. И. Оросина и др.), которые подверглись гонениям. Им на смену пришло новое поколение литераторов, руководствовавшихся в творчестве соцреализмом.

Между тем в 1923 году в крае было открыто Алданское месторождение золота, что послужило началом выхода республики на новый этап хозяйственного развития. Именно за тему золота и ухватились журналисты «Сибирских огней», начав формировать в общественном сознании дихотомическое представление о Якутии старой и Якутии новой, рвущей связь со своим прошлым, которое не детализировалось, однако вскользь упоминалось, когда затевались редкие разговоры об истории якутской литературы и ее классиках.

Вслед за золотом в Якутии начали активно разрабатывать добычу угля, строить предприятия обрабатывающей промышленности, развивать дорожную сеть, связь, энергетику, исследовать недра республики, делая такие эпохальные открытия, как месторождения алмазов. В республике активно шло социалистическое культурное строительство. С середины 1960-х годов все заметнее усиливались тенденции этнокультурной унификации, которая ослабла лишь к середине 1980-х годов. Унифицированной в это время была и политика памяти, направленная на репрезентации национальных историй, основанных на идее всестороннего прогрессивного развития в советское время прежде «отсталых» народов и населяемых ими территорий. К 1970-м годам в Якутии выросло новое поколение творческой интеллигенции, усвоившей каноны соцреализма и шаблонный взгляд на национальное прошлое, что отразило и издание «Сибирские огни», начавшее регулярно печатать произведения якутских писателей и поэтов, одинаково негативно оценивавших историческое прошлое Якутии. Лишь на волне перестройки в республике резко возрос интерес к традиционной

культуре, а власть, ослабившая контроль, перестала навязывать литераторам уже морально устаревшие стереотипы отношения к прошлому, вследствие чего началась его открытая переоценка.

3.2. «Исчезающая легенда»: взгляд на Якутию из конца 1920-х годов

О Якутии «Сибирские огни» первый раз написали в 1928 году, представив регион неприглядно, с критической позиции. Первым до Якутии добрался корреспондент А. Маленький (А. Г. Попов), опубликовавший обширный очерк «Тяжелое дыхание» [Маленький, 1928]. Автор описал свое долгое, наполненное трудностями и пестрыми впечатлениями путешествие на северо-восток. В его восприятии, несмотря на усилия советской власти, Якутия оставалась инертной, не спешила становиться на социалистические рельсы общественно-экономического развития, «с трудом выбиралась из трясины доистории» [Там же, с. 184]. Отличаясь крайне неразвитой дорожной сетью, Якутия представлялась автору дикой «страной северного сияния, вечной мерзлоты, белых ночей и золотого песка» [Там же, с. 160], краем, где повсюду тяжело ощущалось присутствие истории — в почерневших от времени деревянных церквях, в остатках острога XVII века, а также в ленских легендах и все еще непреодоленных последствиях вторжения на эту территорию капитала.

Нельзя не заметить пересечения идей, изложенных в этом очерке, со смыслами романа В. Я. Шишкова «Угрюм-река», первые главы которого параллельно публиковались в «Сибирских огнях» [Шапошников, 1988, с. 158]. Как и Шишков, Маленький попытался показать губительное воздействие капитала на моральный облик человека и тупиковость капиталистического пути развития экономики. Однако он отмечал, что якутская ярмарка, села, «выросшие на золоте», и приискательские костры, в конце 1920-х все еще определявшие образ Якутии, уже начинали уходить в прошлое [Маленький, 1928, с. 161—167]. Хищнической, полукриминальной золотодобыче в крае противостояла, по словам корреспондента, деятельность английской концессии Лена-Гольдфильдс, которая «ввозила механическое оборудование и вместо золота экспортировала тысячи уволенных и сокращенных рабочих и золотоискателей» [Там же, с. 168]. В остальном же, по мнению автора, Якутия страдала от последствий предыдущего исторического этапа: в царские времена «капитализм создал в Якутии спрос на аргумент» (водку). Якуты пили, хотя водка здесь и запрещалась советской властью [Там же, с. 171]. Однако пьянством описание проблем якутов в этом очерке не ограничивалось, они были показаны как жертвы русского владычества [Там же, с. 173].

Гораздо благополучнее якутов выглядели в этом произведении скопцы, впервые сосланные в Сибирь во второй половине XIX века и уже успешные «избороздить всю Якутию». Маленький оценивал их как прекрасных

предпринимателей, среди которых до революции встречались купцы-миллионщики, а также как самый культурный слой населения, если не считать политических ссыльных. Развив в крае земледелие, именно скопцы, по словам очеркиста, «опровергли легенду о том, что азиатский северо-восток не пригоден для жизни» [Там же, с. 176]. А за развитием земледелия Маленький видел будущее региона. В заключении он отметил, что успешная борьба человека за право существовать в этом крае началась не с приходом большевиков, она тянулась сотни лет. Признавая, что советская власть многое давала Якутии как в культурном, так и в социально-экономическом смыслах, автор очерка подчеркивал, что «никакой экономический расцвет невозможен вне связи с национальным характером, национальной культурой человеческих масс» [Там же, с. 186].

3.3. Сбывшаяся вековая народная мечта: якутская тематика в публикациях 1950—1960-х годов

В 1930—1940-х годах якутская тема совершенно исчезла из «Сибирских огней». Лишь в 1950-х стали появляться отдельные публикации, где затрагивались темы, касавшиеся истории этой национальной республики. Все материалы 1950—1960-х годов можно разделить на три тематические группы. Первая — о стремительном хозяйственном освоении края в современности [Алексеев, 1963; Баблюк, 1958; Евгеньев, 1962]. Вторая — о развитии якутской национальной литературы [Канаев, 1954; Сыроватский, 1958]. Третья — об истории Якутии в новейшее время [Гаряев, 1961].

В статьях и заметках, посвященных успехам добычи алмазов, соли и развития сельского хозяйства в республике за последние годы, обычно использовался исторический контекст. Так, подчеркивались однозначные преимущества социалистического хозяйственного строительства в крае, куда более масштабного, нежели ранее, и, что еще важнее, основанного на принципах подлинной социальной справедливости. К примеру, Б. Баблюк приводил очевидно политизированную в марксистском духе легенду о том, как в старину якутский бедняк нашел алмаз, который потом хитростью отнял у него жадный царь, а также рассказы о том, как якуты и старатели находили камни и «выгодно» обменивали их у русских купцов на табак, порох, дробь и спирт [Баблюк, 1958, с. 103—104]. А. В. Евгеньев кратко сообщал, что еще до революции якутские охотники обнаружили месторождение соли на Вилюе. Но его разработку захватили в свои руки купцы, продававшие добытую соль тем же якутам по баснословным ценам. Далее говорилось, что в современности на Олекме планируется строительство предприятия по добыче соли, которое будет снабжать Дальний Восток и Камчатку [Евгеньев, 1962].

Первый обзор достижений советской литературы в Якутии, подготовленный В. П. Канаевым, предложил уже стандартную для этого времени

версию основных этапов формирования советской литературы на национальном языке и частично ответил на вопрос о причинах избегания якутской тематики в журнале на протяжении двух десятков лет. Из обзора следовало, что именно осмысление прошлого Якутии было основной темой ее национальной литературы. В версии В. П. Канаева, основу якутской литературы составил национальный эпос олонхо («эпическое сказание о подвигах богатырей»), отразивший «великий гнев и ненависть ко всем виновникам народного горя», жалкое, полуголодное существование якутской бедноты и ее «вековые мечты о счастливой, привольной жизни без угнетения, насилия и кровопролития» [Канаев, 1954, с. 166]. Советская литература Якутии, испытавшая сильное влияние декабристов и русских классиков, продолжила развитие темы преодоления старых порядков и построения нового справедливого общества. Говоря о зачатках якутской литературы, Канаев не мог обойти вниманием плеяду авторов, заявивших о себе после Первой русской революции («буржуазные писатели» А. Е. Кулаковский, А. И. Софронов, Н. Д. Неустроев, а также «демократ» П. Н. Черных-Якутский). По оценке автора обзора, «буржуазные» писатели призывали якутов к борьбе с патриархальщиной, мешавшей установлению капиталистических отношений в Якутии, пропагандируя «националистические идеологии и неприятие Октябрьской революции». Канаев обтекаемо пояснил, что до недавнего времени у наследия этих авторов в Якутии были защитники, но «настоящая» якутская литература «выросла именно в борьбе с влиянием «контрреволюционных» писателей. В числе признанных советской властью якутских литераторов у Канаева значились П. Н. Черных-Якутский, Эллай (С. Р. Кулачиков), Эрлик Эристин (С. С. Яковлев), Кюндэ (А. А. Иванов), Амма Аччыгыйа (Н. Е. Мординов), С. А. Саввин), создавшие «по горячим следам» ряд произведений о борьбе якутов с пережитками прошлого и белобандитизмом, в ходе которой проявлялся рост самосознания якутского народа [Там же, с. 169], упоминались и более поздние работы о революции, об укреплении обороноспособности страны, о коллективизации, «о рождении нового советского человека» [Там же, с. 172]. Сообщалось, что в военные годы они, как и другие писатели СССР, возвращались к тематике гражданской войны, показывая героическую преемственность. Отмечалось, что художественная литература Якутии работала над созданием идеологически «правильных» образов контрреволюционной буржуазно-националистической интеллигенции. Подчеркивалось развитие в литературе этого периода сквозной темы дружбы народов СССР, прежде всего русских и якутов, а также ведущей роли русского народа. Автор обзора высказал критику в адрес «некоторых писателей», которые «умалили роль русского народа в исторической судьбе Якутии» [Там же, с. 175].

Собственно истории Якутии на этом этапе посвящалась только статья С. В. Гаряева «Ленин и якутская большевистская политссылка» [Гаряев, 1961], отразившая, на наш взгляд, попытку повысить значимость далекой, плохо известной в СССР Якутии, увязав ее революционное прошлое с фигурой В. И. Ленина, а также «стандартизировать» историю республики, вписать ее в общесоветский контекст. Вождь мирового пролетариата, как выясняется из этой работы, не бывал в Якутии, но неизменно проявлял к ней интерес, свидетельства которого и объединил в подборку автор статьи, завершивший повествование стандартными тезисами: «Нет больше старой Якутии — застенка для революционеров, объекта колониального грабежа для эксплуататоров», Якутия стала индустриально-аграрной республикой, подлинной «жемчужиной Сибири» [Там же, с. 93].

Интересен и обзор книг по истории Якутии, предложенный А. Д. Сыроватским. Поводом для обзора послужило 325-летие добровольного вхождения Якутии в состав России — «праздник неразрывной дружбы якутского народа с великим русским народом». Сыроватский сделал вывод о том, что «современная литература показывает значение добровольного вхождения»: «защиту якутов от американских, английских и японских империалистов», «развитие классовой солидарности русских и якутских трудящихся в борьбе против внешних врагов, против царизма и местных тойонов», превращение «Якутии из отсталой окраины царской России в равную среди равных в составе Российской Федерации республику с высоко развитой промышленностью и крупным коллективным сельским хозяйством» [Сыроватский, 1958, с. 185]. Отмечалась и разработка темы возникновения и развития национальной культуры якутского народа под влиянием русской культуры [Там же]. Автор обзора не акцентировал темы истории политической борьбы в республике, зато останавливался на том, что современная литература впервые называет фамилии партийных и советских работников Якутии, «которые были действительными проводниками идей и установок Коммунистической партии в Якутии» [Там же].

3.4. 1970-е: черты «другого времени»

В следующем десятилетии Якутия оставалась интересна авторам «Сибирских огней» как территория интенсивного хозяйственного освоения, противостоявшего былой «отсталости». Можно сказать, что во второй половине 1970-х годов была уже фактически написана «наиновейшая» история Якутии — история последнего двадцатилетия, история успехов социалистического строительства, героями которой были преимущественно пришедшие извне специалисты и рядовые труженики (бурильщики, геологи, ученые, инженеры, транспортники, журналисты и др.), воспринимавшие Якутию как место, где до них словно «не было ничего». Эта история от-

рывалась ото всей предыдущей истории края, которая актуализировалась лишь для того, чтобы подчеркнуть масштабы перемен, происходивших в современности. Так, эпохальным сдвигом представлялось строительство малого БАМа. А реалии середины 1930-х годов казались уже далеким прошлым. Как курьез вспоминалось: «В 1935 году якутские делегаты второго всесоюзного съезда колхозников добирались до Москвы около месяца, да так и не успели к сроку» [Лейфер, 1977, с. 159]. Своевременным представлялось подведение итогов социалистического строительства в республике на *предыдущем* этапе ее истории [Шорников, с. 191—192].

С началом 1970-х годов публикации «Сибирских огней», посвященные якутской тематике, существенно дополнились художественными произведениями якутских же авторов. Печаталось много поэзии, которая воспроизводила уже знакомое нам по предыдущему периоду отторжение национального прошлого, не только мрачного, «исполненного несчастья» [Данилов, 1978], но даже и эпического, героического, революционного, меркнувшего на фоне современности [Ефимов, 1973]. На примере лирики Л. А. Попова литературная критика «Сибирских огней» отмечала в якутской поэзии «бережное отношение к национальным традициям», «однако же далекое от патриархальной замкнутости», а также концентрацию на образах и символах новой Якутии [Беленький, 1971, с. 182].

Событием в развитии якутской тематики в «Сибирских огнях» стала, на наш взгляд, публикация в 1974 году первого автобиографического произведения якутского поэта С. П. Данилова «Якут, сын якута» [Данилов, 1974], отразившая уже сложившийся на страницах «Сибирских огней» нарративный стандарт биографии «национала» [Шерхунаев, 1975]. Он включил в себя рождение в бедной семье, «забитое, темное, жалкое, холодное и голодное детство», приобщение с детских лет к народной фольклорной традиции, разбуженное эпосом желание петь и сочинять, активное включение в социалистическое строительство, учебу, долгие годы служения на благо народа, активный творческий поиск выражения «чаяний народных» и народной же борьбы за счастье и справедливость. На этом произведении хочется остановиться не только как на нарративном образчике, но и как на отражении новых тенденций «другого времени», как на одном из первых примеров отхода от жесткой повествовательной схемы и идеологических клише. Примечательно, что С. П. Данилов решился вернуться к старой полемике о «буржуазных просветителях» А. Е. Кулаковском, Н. Д. Неустроеве и А. И. Софронове, участие в которой привело его в 1950-х годах к увольнению с работы. Теперь же Данилов повторял, что не отказывается от своей позиции и до сих пор считает, что нельзя «вычеркивать классиков из истории». Кстати, на страницах «Сибирских огней» дискуссия об

оценке этих авторов продолжилась и в 1975 году [Демидов, 1975, с. 186]. Обращает на себя внимание также заключение, в котором автор посещает родной алас, оказавшийся заброшенным, чувствует обиду и тоску по прошлому, которое так часто порицал в своем творчестве. Он старается унять тоску мыслью, что «жить по старинке нельзя и невозможно», но вот справляется ли с тоской, остается до конца не ясно [Данилов, 1974, с. 93].

3.5. «Мы корнями в родное выросли олонхо»: тренды 1980-х

В новом десятилетии «Сибирские огни» еще воспроизводили стандартную, официозную версию истории Якутии, которая из «тюрьмы без решеток» (места ссылки) за годы советской власти превратилась в «золотой край», место активной добычи полезных ископаемых, республику с развитой инфраструктурой и социалистической культурой [Горохова, 1982, с. 4—5]. В журнале печатали рецензии на художественные произведения якутских писателей о революции в крае, одобрявшие столь же стандартное видение «героических страниц» национального прошлого. Однако нельзя не обратить внимания на подмеченную литературной критикой тенденцию некоторого оживления и расширения революционной тематики якутской художественной литературой, в которой обострение классовой борьбы в канун революции могло становиться, к примеру, лишь фоном для описания драмы любовного треугольника [Перов, 1984].

Революционная тематика по-прежнему занимала и историков, которые обращали внимание на новые книги, посвященные Октябрьской революции в Якутии. Так, А. В. Никульков, рецензируя книгу Г. Г. Маркова, отмечал недостаточность применения общих марксистских схем к интерпретации якутских источников, настаивал на необходимости выявления именно якутской специфики протекания революции, учитывая «исключительность» сложившейся в ней обстановки. Из рецензии ясно, что историография революционной темы не отпускала вопрос о деятельности интеллигенции, не принявшей революцию. Если ранее этот вопрос «Сибирские огни» старались обходить, то теперь рецензент, напротив, хотел его заострения [Никульков, 1984, с. 165—166]. В частности, в этом, на наш взгляд, проявлялось ощущение усталости от стандартизации и грубой идеологизации национальных историй в канун горбачевской перестройки. Показательно, что уже в 1987 году «Сибирские огни» впервые опубликовали рецензию на книгу стихов А. Е. Кулаковского, изданную годом ранее в Москве. О «буржуазности» и враждебности «якутского гуманиста» в отношении Октября больше не сообщалось (хотя фактически споры о его наследии велись до 1990-х годов). Наоборот, говорилось об оптимистичном восприятии Кулаковским революции. Основное содержание его творчества определялось обтекаемо, как «светлая мечта о счастье народа», состоявшем в просвеще-

нии («преодолении духовной отсталости и невежества») и достижении социальной справедливости [Владимиров, 1987].

Литературная критика «Сибирских огней» 1980-х осторожно преодолевала многолетнюю тенденцию шаблонного очернения прошлого. Характеристики творческого поиска отдельных литераторов стали в новом десятилетии более свободными. К примеру, было допущено упоминание о том, что еще в 1950-х годах в якутской литературе разрабатывалась тема отрыва от исторических корней. В частности, делались выводы о том, что лирика Л. А. Попова выражала тревогу и страх за дальнейшую судьбу якутского народа, отошедшего от национальных традиций [Беленький, 1982, с. 139].

Всплеск внимания к «корням» и «истокам» ярче всего проявился в публикациях на страницах «Сибирских огней» фрагментов якутского национального эпоса олонхо в поэтическом переводе А. А. Романова. В 1982 году автор предисловия к первой части перевода С. П. Данилов, вводя читателей в курс дела, пояснял, что главными героями эпоса выступают богатыри света и добра, которые «мстят за народные беды и разорение», что в эпосе выражена «многовековая народная мечта о мирной трудовой жизни под родным небом», «прославляется беззаветное служение во имя счастья людей» [Урастыров, 1982, с. 96—97]. Однако показательно, что поэты, переводившие эпос с национальных языков в 1980-х, уже не акцентировали классовую борьбу как его центральную тему. Поэт А. И. Плитченко писал, что сами сюжеты олонхо — «это история народа во всех аспектах: от переселения и освоения новых пространств, родовых, племенных отношений, этнографии, до истории духовного становления народа, формирования его представлений о космосе и месте человека в нем и до осмысления самого человеческого существования» [Плитченко, 1981, с. 191]. Поэт А. А. Романов подчеркивал «философскую глубину» эпоса, ценность его «бытовых, исторических и нравственных смыслов народной жизни» [Урастыров, 1982, с. 97]. Новое ценностное отношение к традиционной культуре якутов отразилось и в рецензии Г. Федорова на соответствующий сборник научных трудов, по его словам, фактически первый. Рецензент говорил об универсальности истоков человеческой культуры и «наибольшей глубине памяти» мифов северных народов, придающей этим, до сих пор живым мифам особенную ценность [Федоров, 1982, с. 174].

4. Заключение = Conclusions

Истории сибирских народов и традиционно населявшихся ими территорий писались авторами «Сибирских огней» в разных обстоятельствах, задававших отличия в интерпретациях прошлого. На протяжении всего изучаемого периода сохранялась общая идеологическая установка по-

казать Якутию (как и другие национальные республики) частью РСФСР и СССР. Решение этой задачи осложнялось особенной отдаленностью и трудной территориальной доступностью Якутии, история которой долго оставалась малоизвестной широкой публике, описанной только авторами извне, преимущественно с точки зрения ее хозяйственного освоения и утилитарной пользы для страны.

На первом этапе (1920-е годы) в национально-исторических нарративах еще не доминировала формула, согласно которой историческое развитие республики определяется крепкой дружбой с русским народом, во всем помогающим и покровительствующим «младшим братьям». Отмечался даже вред, нанесенный якутам русскими казаками и капиталистами. Не заявлялось однозначно и то, что коренные изменения в культурное и социально-экономическое развитие региона принесла лишь советская власть. На восприятие истории регионов еще влияла дореволюционная журналистика. Так, в истории освоения Якутии автор 1920-х годов А. Маленький различал многих участников этого процесса (кроме собственно якутов), еще до Октябрьской революции сумевших приспособиться к жизни в суровых климатических условиях северо-востока и превратить этот край в обитаемый. Как и дореволюционные авторы, он подробно остановился на теме скопцов и их выдающихся успехов в развитии сельского хозяйства [Матющенко и др., 2021, с. 437]. Однако А. Маленький не эстетизировал якутскую старину. Прошлое якутской земли он обобщал негативными, идеологизированными характеристиками: отсталость, выживание, криминал, социальная несправедливость, хищнический капитализм. Такая однозначность для 1920-х годов была, на наш взгляд, скорее радикальной, нежели типичной. Все-таки в этом десятилетии многие авторы «Сибирских огней» еще ностальгировали по сибирской старине и жалели об исчезновении ее следов в новом веке.

Вплоть до 1950-х годов «Сибирские огни» не уделяли никакого внимания истории Якутии. Ее сложное революционное прошлое игнорировалась. «Сибирские огни» на этом «пустом», втором этапе 1930—1940-х годов избегали всего неоднозначного и не брались печатать произведения, идейная чистота которых подвергалась сомнениям (как «Угрюм река» В. Я. Шишкова, большая часть рукописи которого так и не дождалась публикации в «Сибирских огнях»). В целом публикациям на исторические темы третьего (1950-е — 1960-е) и четвертого этапов (1970-е) был присущ модернистский пафос преобразования на научно-технической основе старого несовершенного мира. Прошлым Якутии явно пренебрегали. Редакция придерживалась установки подчеркивать в истории края национальную специфику, но она неизбежно терялась за стереотипными описаниями успехов социалистического строительства. Хотя в 1970-х годах печаталось

значительно больше произведений якутских авторов (и в этом проявлялась специфика этапа), их взгляд на историю республики оставался во многом сходным со взглядом авторов, смотревших на Якутию извне. За кадром деятельности журнала шла ожесточенная дискуссия о наследии «буржуазно-националистической» интеллигенции Якутии — ныне признанных классиков якутской литературы. Официальная политика памяти стремилась вычеркнуть из истории края опасные для государства идеи, которые потенциально могли вести к оправданию капитализма и национализма. Стремясь к идеологической чистоте, журнал пропагандировал лишь критическую оценку этого наследия, ставшую официальной, и участвовал в травле якутского историка Г. П. Башарина — его защитника.

Лишь на пятом этапе, в 1980-х годах, в условиях перестроечных изменений общественно-политической и культурной атмосферы, репрезентации истории Якутии на страницах «Сибирских огней» обрели иной характер. В духе общих тенденций развития исторической памяти позднесоветского общества и историографии редакция повернулась лицом к истории якутской культуры, прежде всего к эпосу. Сравнительно поздний перевод олонхо на русский язык (в сравнении, к примеру, с переводами и литературными обработками алтайских героических сказаний) позволил избежать его жесткой идеологизации, присущей 1930—1950-м годам. Новые условия дали авторам возможность изменить вектор направленности политики памяти. Постепенно ценность эпоса стала преподноситься не с точки зрения отражения в нем классовой борьбы как основного и универсального смысла человеческой истории. Ценность олонхо стала видеться в сохранении эпосом глубинных духовных и нравственных смыслов, сформировавших исконные черты культуры якутов, благодаря которым этот народ веками адаптировался к жизни на крайнем севере, при этом формируя далеко не примитивные, как казалось ранее, а самобытные, сложно и прекрасно устроенные мифологические системы, отражавшие и одновременно поддерживавшие устойчивую организацию традиционного якутского общества, способного гораздо к большему, нежели просто физическое выживание. Именно эта новая тематика, потенциально отменявшая отношение к якутскому прошлому как к затяжному периоду отсталости и ранее не поддерживавшаяся на государственном уровне из опасений националистического крена, получила дальнейшее активное развитие в последующих, постсоветских десятилетиях.

Источники и принятые сокращения

1. *Алексеев В.* Хлебодарная Якутия / В. Алексеев // Сибирские огни. — 1963. — № 3. — С. 192.
2. *Баблюк Б.* Якутские алмазы / Б. Баблюк // Сибирские огни. — 1958. — № 5. — С. 101—116.

3. *Беленький Е.* Поэзия близкого солнца / Е. Беленький // Сибирские огни. — 1982. — № 4. — С. 101—116.
4. *Беленький Е.* Песни Якутии / Е. Беленький // Сибирские огни. — 1971. — № 9. — С. 181—183.
5. *Владимиров Н.* Алексей Кулаковский. Стихотворения [рецензия] / Н. Владимиров // Сибирские огни. — 1987. — № 5. — С. 171—172.
6. *Гаряев С. В. И.* Ленин и якутская большевистская политссылка / С. Гаряев // Сибирские огни. — 1961. — № 4. — С. 90—93.
7. *Горохова Е. Н.* Крепче алмаза / Е. Н. Горохова // Сибирские огни. — 1982. — № 4. — С. 3—9.
8. *Данилов С.* Песнь, написанная в Торунь — родном городе Коперника / С. Данилов // Сибирские огни. — 1978. — № 10. — С. 60—61.
9. *Данилов С.* Якут, сын якута / С. Данилов // Сибирские огни. — 1974. — № 8. — С. 74—94.
10. *Демидов В.* Из истории русско-якутских литературных связей советского периода (20—40-е годы) [рецензия] / В. Демидов // Сибирские огни. — 1975. — № 3. — С. 185—186.
11. *Евгеньев В.* Кладовая соли / В. Евгеньев // Сибирские огни. — 1962. — № 8. — С. 122.
12. *Ефимов М.* Великая Тумайда / М. Ефимов // Сибирские огни. — 1973. — № 6. — С. 76—77.
13. *Канаев Н.* Литература советской Якутии / Н. Канаев // Сибирские огни. — 1954. — № 6. — С. 165—177.
14. *Лейфер А.* Из якутского блокнота / А. Лейфер // Сибирские огни. — 1974. — № 4. — С. 153—162.
15. *Маленький А.* Тяжелое дыхание / А. Маленький // Сибирские огни. — 1928. — № 6. — С. 155—187.
16. *Никульков А. Г. Г.* Марков. Октябрь в Якутии / А. Никульков // Сибирские огни. — 1982. — № 4. — С. 165—166.
17. *Перов Е.* Анастасия Сыромятникова. Кыс-Хотун [рецензия] / Е. Перов // Сибирские огни. — 1982. — № 4. — С. 168—169.
18. *Плитченко А. Н. В.* Емельянов. Сюжеты якутских олонхо [рецензия] / А. Плитченко // Сибирские огни. — 1981. — № 5. — С. 190—192.
19. *Сыроватский А.* Книги по истории Якутии / А. Сыроватский // Сибирские огни. — 1958. — № 8. — С. 184—185.
20. *Урастыров К.* (В. М. Новиков) Могучий Дьягарыма. Якутский героический эпос олонхо. Предисловие Софрона Данилова. Поэтический перевод Александра Романова / К. Урастыров // Сибирские огни. — 1982. — № 3. — С. 96—122.
21. *Урастыров К.* (В. М. Новиков) Могучий Дьягарыма. Якутский героический эпос олонхо. Перевод и послесловие А. Романова. Окончание / К. Урастыров // Сибирские огни. — 1982. — № 4. — С. 67—97.
22. *Федоров Г.* Мифология народов Якутии. Сборник [рецензия] / Г. Федоров // Сибирские огни. — 1982. — № 4. — С. 174—175.
23. *Шапошников В.* Шестидесятое годовое «Угрюм-реки» / В. Шапошников // Сибирские огни. — 1988. — № 6. — С. 158—166.
24. *Шорников М. З. В.* Гоголев. Социально-экономическое развитие Якутии (1917—1941 гг.) / М. Шорников // Сибирские огни. — 1975. — № 4. — С. 190—192.

25. *Шерхунаев Р.* Народный певец Якутии / Р. Шерхунаев // Сибирские огни. — 1975. — № 11. — С. 149—152.

Литература

1. *Бассин М.* Россия между Европой и Азией : Идеологическое конструирование географического пространства / М. Бассин // Российская империя в зарубежной литературе последних лет. — Москва : Новое издательство, 2005. — С. 277—310. — ISBN 5-88439-062-9.
2. *Башарина З. К.* С. П. Данилов и Г. П. Башарин : к вопросу о литературном наследии / З. К. Башарина, К. Г. Башарин, О. К. Башарина // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. — 2019. — № 6. — С. 46—56. — DOI: 10.25587/SVFU.2019.74.44568.
3. *Бурцева Ж. В.* История освоения крайнего севера Якутии как начальный этап формирования северного текста / Ж. В. Бурцева // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. — 2021. — № 1 (23). — С. 14—20.
4. *Гоголев А. И.* Якутия : век XX (1917—2000) / А. И. Гоголев. — Якутск : Издательство Якутского университета, 2001. — 154 с. — ISBN 5-7513-0308-3.
5. *Дарбасова С. Д.* Творчество А. Е. Кулаковского в оценке якутской литературной критики 20-х годов XX века / С. Д. Дарбасова, И. С. Егорова // Litera. — 2021. — № 1. — С. 84—95. — DOI: 10.25136/2409-8698.2021.1.34766.
6. *История Якутии*: в 3 т. / под общ. ред. А. Н. Алексеева ; отв. ред. С. И. Боякова. — Новосибирск : Наука, 2021. — Т. III. — 592 с. — ISBN 978-5-02-038818-5.
7. *Канаев Н. П.* Зарождение и становление литературной критики в Якутии (1925—1940 гг.) / Н. П. Канаев. — Якутск : Якутское книжное издательство, 1984. — 99 с.
8. *Киндикова Н. М.* Литературы Сибири : опыт исследования : монография / Н. М. Киндикова. — Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2014. — 180 с.
9. *Кискидосова Т. А.* Города Якутской области XIX в. В трудах В. Л. Приклонского / Т. А. Кискидосова // Эхо арктической Одиссеи : судьбы этнических культур в исследованиях ученых-североведов, посвященная 100-летию со дня рождения Ильи Самуиловича Гурвича : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. Е. Н. Романова. — Якутск : Электронное издательство НБ РС(Я), 2019. — С. 309—313.
10. *Копосов Н. Е.* Память строгого режима. История и политика в России / Н. Е. Копосов. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — 315 с. — ISBN 978-5-86793-851-2.
11. *Красильникова Е. И.* История и традиционная культура алтайцев в контексте исторической политики Советского государства 1920—1940-х годов : по материалам журнала «Сибирские огни» / Е. И. Красильникова // Научный диалог. — 2020. — № 4. — С. 367—383. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-367-383.
12. *Красильникова Е. И.* Власть и традиционная культура региона в динамике журнальных репрезентаций : Тува на страницах журнала «Сибирские огни» (1920-е — 1940-е гг.) / Е. И. Красильникова, И. А. Вальдман // Новые исследования Тувы. — 2020. — № 1. — С. 13. — DOI: 10.25178/nit.2020.1.13.
13. *Ледовских А. Ю.* Сибирские «иностранцы» в исторической публицистике (вторая половина XIX — начало XX вв.) / А. Ю. Ледовских // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2009. — № 3 (25). — С. 347—351.
14. *Литература Якутии XX века* : историко-литературные очерки / отв. ред. В. Н. Иванов. — Якутск : Издательство ИГИ АН РС (Я), 2005. — 728 с. — ISBN 5-8176-0067-6.

15. Матющенко В. С. Скопцы Якутской области на страницах региональной периодической печати в конце XIX — начале XX веков / В. С. Матющенко, Р. А. Якушева // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 425—441. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-425-441.
16. Миллер А. И. Россия : власть и история / А. И. Миллер // Pro et Contra. — 2009. — Т. 13. — № 3—4. — С. 6—23.
17. Родигина Н. Н. Другая Россия. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начало XX в. / Н. Н. Родигина. — Новосибирск : Издательство Новосибирского педагогического университета, 2006. — 343 с. — ISBN 5-85921-562-2.
18. Сивцева-Максимова П. В. Концепты национальной культуры в лирике Семена Данилова / П. В. Сивцева-Максимова // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. — 2015. — № 1—10. — С. 230—236.
19. Сивцева-Максимова П. В. Литература народов Якутии. XX век : своеобразие и основные итоги / П. В. Сивцева-Максимова, В. Б. Окурокова. — Якутск : Бичик, 2001. — 48 с.
20. Segesten A-D. Memory studies : The state of an emergent field / A-D. Segesten, J. Wüstenberg // Memory Studies. — 2017. — Vol. 10. — Issue 4. — Pp. 474—489. — DOI: 10.1177/1750698016655394.
21. Verovšek P. J. Collective memory, politics, and the influence of the past : the politics of memory as a research paradigm / P. J. Verovšek // Politics, Groups, and Identities. — 2016. — Vol. 4. — Issue 3. — Pp. 529—543.

Material resources

- Alekseev, V. (1963). Khlebodarnaya Yakutia. *Siberian lights*, 3: P. 192. (In Russ.).
- Bablyuk, B. (1958). Yakut diamonds. *Siberian lights*, 5: 101—116. (In Russ.).
- Belenky, E. (1982). Poetry of the near sun. *Siberian lights*, 4: 101—116. (In Russ.).
- Belenky, E. (1971). Songs of Yakutia. *Siberian lights*, 9: 181—183. (In Russ.).
- Danilov, S. (1978). A song written in Torun — the hometown of Copernicus. *Siberian Lights*, 10: 60—61. (In Russ.).
- Danilov, S. (1974). Yakut, son of Yakut. *Siberian lights*, 8: 74—94. (In Russ.).
- Demidov, V. (1975). From the history of the Russian-Yakut literary ties of the Soviet period (20—40s) [review]. *Siberian Lights*, 3: 185—186. (In Russ.).
- Efimov, M. (1973). Great Tumaïda. *Siberian lights*, 6: 76—77. (In Russ.).
- Evgeniev, V. (1962). Pantry of salt. *Siberian lights*, 8: P. 122. (In Russ.).
- Fedorov, G. (1982). Mythology of the peoples of Yakutia. Collection [review]. *Siberian lights*, 4: 174—175. (In Russ.).
- Garyaev, S. (1961). V. I. Lenin and the Yakut Bolshevik political link. *Siberian Lights*, 4: 90—93. (In Russ.).
- Gorokhova, E. N. (1982). Stronger than diamond. *Siberian lights*, 4: 3—9. (In Russ.).
- Kanaev, N. (1954). Literature of Soviet Yakutia. *Siberian lights*, 6: 165—177. (In Russ.).
- Leifer, A. (1974). From the Yakut notebook. *Siberian lights*, 4: 153—162. (In Russ.).
- Maly, A. (1928). Heavy breathing. *Siberian lights*, 6: 155—187. (In Russ.).
- Nikul'kov, A. (1982). G. G. Markov. October in Yakutia. *Siberian lights*, 4: 165—166. (In Russ.).
- Perov, E. (1982). Anastasia Syromyatnikova. Kyys-Khotun [review]. *Siberian lights*, 4: 168—169. (In Russ.).
- Plitchenko, A. (1981). N. V. Emelyanov. Plots of Yakut olonkho [review]. *Siberian lights*, 5: 190—192. (In Russ.).

- Shaposhnikov, V. (1988). The sixtieth flood of the “Ugryum river”. *Siberian lights*, 6: 158—166. (In Russ.).
- Sherkhunaev, R. (1975). Folk singer of Yakutia. *Siberian lights*, 11: 149—152. (In Russ.).
- Shornikov, M. (1975). Z. V. Gogolev. Socio-economic development of Yakutia (1917—1941). *Siberian Lights*, 4: 190—192. (In Russ.).
- Syrovatsky, A. (1958). Books on the history of Yakutia. *Siberian lights*, 8: 184—185. (In Russ.).
- Urastyrov, K. (1982). (V. M. Novikov) Mighty Dagaryma. Yakut heroic epic olonkho. *Siberian Lights*, 3: 96—122. (In Russ.).
- Urastyrov, K. (1982). (V. M. Novikov) Mighty Dagaryma. Yakut heroic epic olonkho. *Ending. Siberian lights*, 4: 67—97. (In Russ.).
- Vladimirov, N. (1987). Alexey Kulakovsky. Poems [review]. *Siberian lights*, 5: 171—172. (In Russ.).

References

- Basharina, Z. K., Basharin, K. G., Basharina, O. K. (2019). S. P. Danilov and G. P. Basharin: on the question of literary heritage. *Bulletin of the Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov*, 6: 46—56. DOI: 10.25587/SVFU.2019.74.44568. (In Russ.).
- Bassin, M. (2005). Russia between Europe and Asia: Ideological construction of geographical space. In: *The Russian Empire in foreign literature of recent years*. Moscow: New Publishing House. 277—310. ISBN 5-88439-062-9. (In Russ.).
- Burtseva, Zh. V. (2021). The history of the development of the far North of Yakutia as the initial stage of the formation of the northern text. *Arctic XXI century. Humanities*, 1 (23): 14—20. (In Russ.).
- Darbasova, S. D., Egorova, I. S. (2021). A. E. Kulakovsky's creativity in the assessment of Yakut literary criticism of the 20s of the XX century. *Litera*, 1: 84—95. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.1.34766. (In Russ.).
- Gogolev, A. I. (2001). *Yakutia: century XX (1917—2000)*. Yakutsk: Publishing House of the Yakut University. 154 p. ISBN 5-7513-0308-3. (In Russ.).
- Kanaev, N. P. (1984). *The origin and formation of literary criticism in Yakutia (1925—1940)*. Yakutsk: Yakut Book Publishing House. 99 p. (In Russ.).
- Kindikova, N. M. (2014). *Literature of Siberia: research experience: monograph*. Gorno-Altaysk: RIO GAGU. 180 p. (In Russ.).
- Kiskidosova, T. A. (2019). Cities of the Yakut region of the XIX century. In: *Echo of the Arctic Odyssey: the fate of ethnic cultures in the studies of Northern scientists, dedicated to the 100th anniversary of the birth of Ilya Samuilovich Gurvich*. Yakutsk: Electronic Publishing House of the National Bank of the RS (Ya). 309—313. (In Russ.).
- Koposov, N. E. (2011). *Strict regime memory. History and politics in Russia*. Moscow: New Literary Review. 315 p. ISBN 978-5-86793-851-2. (In Russ.).
- Krasilnikova, E. I. (2020). History and Traditional Culture of Altai in Context of the Historical Policy of Soviet State of 1920s-1940s: based on the materials of “Siberian Lights” Magazine. *Nauchnyi dialog*, 4: 367—383. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-367-383. (In Russ.).
- Krasilnikova, E. I., Waldman, I. A. (2020). Power and traditional culture of the region in the dynamics of journal representations: Tuva on the pages of the journal “Siberian Lights” (1920s — 1940s). *New studies of Tuva*, 1: S. 13. DOI: 10.25178/nit.2020.1.13. (In Russ.).

- Ledovskikh, A. Yu. (2009). Siberian “foreigners” in historical journalism (the second half of the XIX — early XX centuries). *Problems of history, philology, culture*, 3 (25): 347—351. (In Russ.).
- Literature of Yakutia of the twentieth century: historical and literary essays*. (2005). Yakutsk: Publishing House of IGI AN RS (Ya). 728 p. ISBN 5-8176-0067-6. (In Russ.).
- Matyushenko, V. S., Yakusheva, R. A. (2021). Eunuchs of Yakutsk Region on Pages of Regional Periodicals in Late 19th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 10: 425—441. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-425-441. (In Russ.).
- Miller, A. I. (2009). Russia: power and history. *Pro et Contra*, 13 (3—4): 6—23. (In Russ.).
- Rodigina, N. N. (2006). *Other Russia. The image of Siberia in the Russian magazine press of the second half of the XIX — early XX century*. Novosibirsk: Novosibirsk Pedagogical University Publishing House. 343 p. ISBN 5-85921-562-2. (In Russ.).
- Segesten, A.-D., Wüstenberg, J. (2017). Memory studies: The state of an emergent field. *Memory Studies*, 10 (4): 474—489. DOI: 10.1177/1750698016655394.
- Sivtseva-Maksimova, P. V., Okorokova, V. B. (2001). *Literature of the peoples of Yakutia. XX century: originality and main results*. Yakutsk: Bichik. 48 p. (In Russ.).
- Sivtseva-Maximova, P. V. (2015). Concepts of national culture in the lyrics of Semyon Danilov. *Bulletin of the Buryat State University. Language. Literature. Culture*, 1—10: 230—236. (In Russ.).
- The history of Yakutia: in 3 volumes*, 3. (2021). Novosibirsk: Nauka. 592 p. ISBN 978-5-02-038818-5. (In Russ.).
- Verovšek, P. J. (2016). Collective memory, politics, and the influence of the past: the politics of memory as a research paradigm. *Politics, Groups, and Identities*, 4 (3): 529—543.

Статья поступила в редакцию 24.11.2022,
одобрена после рецензирования 20.01.2023,
подготовлена к публикации 31.01.2023.